

А.Ф. Галузин*

ОБ ИСТОРИИ ПРОКУРАТУРЫ И ПРОКУРОРАХ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Самарская прокуратура – ровесница Самарской губернии, открытой 1 января 1851 г. по старому или 13 января по новому стилю во исполнение Указа императора Николая I от 06.12. 1850 г. «Об образовании на левом берегу Волги новой Самарской губернии» с населением 1304218 человек в восьми уездах, двух тысячах поселений и 8 городах¹. Впервые этот день прокуратура Самарской области отметила в январе 2009 г. как свое 158 -летие.

В томе XXV Полного собрания Законов Российской империи за 1851 г. находим Высочайше утвержденное 20 декабря 1850 г. императором Николаем I мнение Государственного совета, опубликованное 30 декабря 1850 г., «Об утверждении во вновь открываемой Самарской губернии присутственных мест и должностных лиц ведомства Министерства Юстиции» и их финансировании начиная с 1 января 1851 г. или со времени открытия губернии из государственного казначейства в размере 56978 руб. 5 копеек и 857 руб. 70 копеек из земских сборов². Штаты присутственных мест Министерства юстиции в губернии были утверждены по представлению генерал-прокурора и министра юстиции России³, которым, совмещая эти должности в 1839– 1862 гг., был граф Виктор Никитич Панин⁴.

Генерал-прокурору В.Н. Панину в 1851 г. было пятьдесят лет. Он двенадцатый год служил министром юстиции и генерал-прокурором, восемь лет был членом Государственного Совета, до этого десять лет прослужил в дипломатических миссиях в Испании, Греции. Являясь министром правительства, он не поощрял прокуроров в опротестовании действий других министерств и их присутствий в губерниях, что снижало авторитет прокурорской власти, а губернаторы и губернские присутственные места подчас игнорировали протесты прокуроров. По отзывам современников, В.Н. Панин в служебных делах был совершенным деспотом. Служебный долг подчиненных понимал однозначно – беспрекословное исполнение его повелений⁵.

Город Самара становился губернским городом: создавались губернские присутственные места под началом первого гражданского губернатора – тайного советника и Кавалера Степана Григорьевича Волховского⁶. Министерство финансов России письмом от 5 марта 1851 г. разрешило губернской казенной палате «для поощрения чиновников к поступлению на службу в Самарскую губернию и скорейшего замещения должностей» выделять «всем определяющимся в должности прогоны по расстоянию, а также жалованье по прибытии по требованию губернатора»⁷.

Присутственными местами Министерства юстиции в Губернии стали:

- палата уголовного и палата гражданского судов, возглавляемые их председателями, имевшими годовое содержание 1142 рублей 80 копеек;
- Совестьный суд в составе судьи, двух заседателей от дворян и двух от купечества;

* © Галузин А.Ф. – кандидат юридических наук, профессор, заместитель прокурора Самарской области, 2010

– губернский прокурор, получивший годовое содержание в 1277 руб. 36 копеек, в подчинение прокурору были приданы два губернских стряпчих (один из них по уголовным делам, второй – по казенным), письмоводитель, четыре писца, восемь уездных стряпчих, имевших по два писца⁸.

Палаты уголовного и гражданского судов, Состительный суд начали свою работу с 30 апреля 1851 г.⁹ Первым самарским губернским прокурором стал тайный советник и Кавалер Никита Васильевич Гордиенко (назначен в должность 24 декабря 1850 г. и служил по 3 января 1854 г.)¹⁰. В цитируемых книгах «Годы и события. Хроники» и «Встать! Суд идет» не указывается участие прокурора в открытии губернии, и причина этого пока неизвестна. Допустимо предположить, что с момента назначения в должность 24 декабря 1850 г. прокурор не имел возможности своевременно прибыть в Самару в день открытия губернии. Но имеются основания полагать, что губернский прокурор и его канцелярия приступили к работе ранее судов и фактически с открытием губернии, о чем свидетельствуют сохранившиеся и доступные для изучения в Самарском государственном архиве документы. Так, на прошении на имя прокурора Гордиенко Н.В. от начальника Симбирского губернского правления, коллежского секретаря Жданова П.И. о принятии его на службу в канцелярию Самарского губернского прокурора письмоводителем имеется запись: «Получено с почтой 12 февраля 1851 г.»¹¹ Для написания и посылки этого прошения на имя Гордиенко Н.В. из другой губернии почтой, доставляемой на лошадях, очевидно, потребовалось не несколько дней, а несколько недель, включивших время, необходимое для того, чтобы узнать данные прокурора, его присутствия и о нахождении самого прокурора в Самаре.

Прокурорские работники подбирались и приезжали со всей страны. Из сохранившихся в фондах Самарского архива писем прокурора Гордиенко Н.В. губернатору Волховскому С.Г. о выдаче подорожных и жалования прокурорским работникам узнаем, что в марте 1851 г. из Санкт-Петербурга прибыл коллежский регистратор Александр Осипов, который сначала работал в канцелярии, а с 19 июля исполнял обязанности бугурусланского уездного стряпчего и был утвержден в этой должности высочайшим указом 15 июля 1851 г. Так же высочайшими указами были назначены в 1851 г. в должности письмоводителей канцелярии губернского прокурора: работавший в г. Пензе губернским секретарем Михаил Каурцев, прибывший в Самару 22 мая 1851 г., титулярный советник Василий Четвертков, приехавший из г. Саратова и приступивший к службе 26 сентября 1851 г.¹²

По рапорту Гордиенко Н.В. от 6 апреля 1851 г. товарищу министра юстиции Ильичевскому П.Д. 6 июля 1851 г. из С.-Петербурга управляющим типографией второго отделения его Императорского Величества Канцелярии были высланы и 14 августа 1851 г. получены прокурором 35 томов Свода законов, Уложение о наказаниях, Свод счетных уставов¹³.

Прокурорский надзор по Своду законов имел своим назначением охранение общего благоустройства губернии, надзор за казенными делами, судом и расправой, а у губернских прокуроров были два основных направления деятельности: опротестование незаконных действий губернской админи-

страции, судов и направление судебной-административной информации генерал-прокурору. Важно, что в тот период только губернский прокурор имел надзорные полномочия опротестовывать незаконные решения, а уездные стряпчие таковых не имели. Это и сдерживание генерал-прокурором В.Н. Паниным надзорной инициативы прокуроров снижало и заметно ослабляло авторитет прокурорской власти. Деятельность прокуратуры обюрокрачивалась, усиливалась власть губернаторов, также осуществлявших надзор за исполнением законов судами и полицией. Современники отмечали, что даже при желании, усердии и способностях в прокурорский труд по самой механической его громадности нельзя было внести необходимой основательности, что контроль одного губернского прокурора над несколькими присутственными местами в одно и то же время невозможен. Например, насчитывалось до 30 различного рода судебных процедур специальных судов: отдельно для дворян, живших в городах и сельской местности; отдельно для купечества, мещан, ремесленников, крестьян государственных, крепостных и др. К тому же судебные и следственные функции, помимо надзорных, исполняли генерал-губернаторы и органы полиции¹⁴.

Длительность судебной защиты прав была несравнима с современной. Приведем эпизод многолетней судебной тяжбы крестьянина Сиротского – крепостного жены штабс-капитана Федора Порфирьевича Стрелкова, который «чинил препятствие» засвидетельствованию «отпускной», выданной его женой своему дворовому человеку по месту нахождения имения в Бузулуке (ныне Оренбургская область) примерно в 200 км от Самары. В архиве сохранилась начатая в марте 1852 г. и завершившаяся осенью 1855 г. переписка Департамента Палаты гражданского суда Санкт-Петербурга с Министерством юстиции России, Самарским губернским правлением и прокурором, Бузулукскими земским судом, стряпчим, городничим и приставом по исполнению Предписания указанной судебной палаты об устранении штабс-капитаном Стрелковым Ф.П. препятствия, состоявшего в том, что Стрелков не внес в связи с «отпускной» 75 рублей в Московский опекунский совет. Переписка завершилась повторным направлением в Санкт-Петербург объяснения Стрелкова вместо утерянного в пересылке. Стрелков пояснил, что 75 рублей не внесены по причине продажи имения ротмистру М.И. Никитину, который в порядке расчета за имение и по доверенности Стрелкова должен был внести 75 рублей в опекунский Совет¹⁵. На получение объяснения суду потребовались почти четыре года.

Князь Долгоруков П. в докладе царю в 1857 г. назвал русское судопроизводство «истинным омутом взяток и плутней», а сам министр юстиции и генерал-прокурор В.Н. Панин вынужден был давать взятку за засвидетельствование «рядной записи» в пользу своей дочери¹⁶. В фондах Самарского архива сохранились докладные записки уездных стряпчих губернскому прокурору за 1851–1855 гг. объемом до 40 рукописных страниц, об утрате дел, волоките и других нарушениях законов в Бузулукском и Новоузенском уездных судах¹⁷.

Эффективность прокурорского надзора снижалась и из-за обширности и неопределенности поднадзорной сферы, побуждавшей называть прокурор-

ский надзор общим. Ныне широко известным является факт учреждения Прокуратуры России Петром I 12 января 1722 г. по старому или 25 января 1722 года по новому стилю¹⁸. Но не всем известно, что Петр I создал прокуратору, не похожую ни на один европейский образец. В 90-е годы XX в. потребовались устанавливающие это фундаментальные исследования, актуальные в связи с незнанием и непониманием за рубежом¹⁹ исторически сформировавшегося назначения и функции прокуратуры в Российском государстве и распространенным ошибочным мнением о наличии неких стандартов прокурорского надзора, несоответствии им российской прокуратуры. Исследования показали отсутствие таких стандартов во всем мире как сегодня, так и когда Петр I, учтя опыт фискалитета Германии (введен в России в 1711 г. и в 1722 г. включен в систему прокуратуры), прокуратуры Франции, омбудсменов Швеции, создал прокуратуру²⁰, не имевшую изначально и не имеющую поныне аналогов своему надзору за исполнением законов судами и органами административной (исполнительной) власти, получившему в юридической науке XIX в. название административный или общий надзор. В «Учреждении судебных установлений» 1864 г. прокурорский надзор за судебными установлениями был прямо назван общим²¹. «Положение о Верховном Суде Союза ССР и о Прокуратуре Верховного Суда СССР» 1929 г. устанавливало надзор за судом, определенным общим надзором²². Общий надзор был востребован в государственном строительстве последователями Петра I, в советский период и современной Россией, только в Законе «О Прокуратуре Российской Федерации» общий надзор назван надзором за исполнением федерального законодательства²³.

В правление Екатерины II усиление прокурорского надзора было осуществлено организацией губернских прокуратур, прошедшей в два этапа: учреждения провинциальных прокуроров реформой 1763 г. и их замена губернскими прокурорами с введением губернских и уездных стряпчих прокурора губернской реформой 1775 г.²⁴

В 1862 г. Александр I утвердил «Основные положения о прокуратуре», в которых впервые было сформулировано назначение прокуратуры – «наблюдение за точным и единообразным исполнением законов в Российской империи», а также принципы ее организации и деятельности, такие как «единство и строжайшая централизация», «подчиненность нижестоящих прокуроров», «независимость прокуроров от местных влияний»²⁵, которые были сохранены в законодательстве о Прокуратуре СССР, РСФСР и современной Прокуратуре России.

Судебная реформа в Самарской губернии началась спустя пять лет после начала действия Судебных уставов 1864 г. открытием в 1869 г. мировых судов, а 25 ноября 1870 г. – Самарского окружного суда (округ Казанской судебной палаты) по специальному Указу Императора²⁶. Самарский губернский прокурор стал прокурором Самарского окружного суда, его помощники-стряпчие стали товарищами прокурора. Прокурор окружного суда начал работать в том же самом здании на площади Революции, в котором сегодня работает Самарский областной суд. Первым прокурором Самарского окружного суда стал Головинский А.А.²⁷

Должность Самарского губернского прокурора исполняли многие известные в России люди. В 1870 г. губернским прокурором работал выдающийся российский юрист Анатолий Федорович Кони (ему было 26 лет), а в том же году он был прокурором Казанского окружного суда, откуда был назначен прокурором Санкт-Петербургского окружного суда²⁸. В этом году, но уже прокурором Самарского окружного суда работал представитель известного дворянского рода Валерий Николаевич Бестужев-Рюмин²⁹, состоявший в государственной службе с 1851 г.: в Министерстве юстиции – с 1869 г. и в должности прокурора – с 1871 г. При назначении в должность прокурора Самарского окружного суда он характеризовался как человек сухой, без сердца, грубый³⁰.

Судебная реформа предполагала значительное сокращение общего надзора и развитие прокурорского надзора как власти «обвинительной». Впервые было узаконено участие в судах адвокатов – присяжных поверенных. Известно, что основатель Российской Советской Федеративной Социалистической Республики В.И. Ленин по окончании экстерном юридического факультета Санкт-Петербургского университета в 1892–1893 гг. работал в Самарском окружном суде помощником присяжного поверенного, занимаясь научной и революционной деятельностью.

Следствие стали осуществлять судебные следователи, надзор за которыми, с правом дачи письменных указаний, утверждения обвинения и направления дела в суд, остался за прокурором. Дознанием полиции прокуроры фактически руководили. В архивных уголовных делах и нарядах товарищей прокурора окружного суда сохранились указания прокуроров судебным следователям и дознавателям о необходимости проведения дополнительных следственных действий, экспертиз, о квалификации преступлений, заключения (резолюции) прокуроров об обоснованности отказов в возбуждении уголовных дел. Этой же работой заняты и современные прокуроры, отчеты о работе современных следователей аналогичны по структуре и форме отчетам судебных следователей, направлявших их товарищам прокурора³¹.

Юристы того времени обращали внимание на самостоятельность прокуратуры и ее надзора в системе органов власти³², а по сути говорили о необходимости наряду с тремя ветвями власти (законодательной, исполнительной, судебной) выделять четвертую – надзорно-контрольную. Определяя место прокуратуры в системе государственной власти, выдающийся российский ученый правовед XIX в. И.Я. Фойницкий отмечал, во-первых, что построение прокурорской власти как части власти административной представляет серьезные опасности дескридитацией прокурорской власти, является жертвой начала законности удобству администрации, во-вторых, еще менее может быть одобрено построение прокуратуры в составе суда вследствие смешения судебных функций с обвинительными. И приходил к выводу правильности построения прокуратуры как отдельного установления, стоящего между судом и правительством и имеющего во главе представителя из прокуратуры, но при судебном контроле³³, что было достигнуто проведением судебной реформы в 90-е годы прошлого века.

Многие юристы, либералы и консерваторы подвергали критике сокра-

шение в ходе судебной реформы общего надзора прокуратуры в угоду исполнительной власти, подчеркивая, что он был нужен, но связывал руки всесильной администрации³⁴. Идеи сокращения или прекращения общего надзора высказывались и до принятия Закона «О Прокуратуре Российской Федерации» 1992 г., но не были реализованы потому, что отмена или ослабление прокурорского надзора за исполнением закона (административного или общего надзора), как показывает российская история и современность, дезорганизует применение федеральных законов и обеспечиваемую их исполнением вертикаль власти, усиливает правовой нигилизм и административный произвол, размывает единую российскую законность, ослабляет правопорядок. Современные исследования прослеживают закономерность востребованности прокурорского надзора в механизме государственной власти России с эпохи Петра I и в последующие периоды до и после революции 1917 г.: прокуратуре сокращали, а затем вынужденно восстанавливали и расширяли общенадзорные полномочия³⁵.

Органы прокуратуры стали самостоятельной системой органов государства в советский период: в 1933 г. прокуратура была отделена от Верховного Суда СССР и в 1936 г. выведена из Министерства юстиции СССР³⁶. После революции 1917 г. действовавшие суды были распущены, прокуратура отменена, функции надзора были рассредоточены в органах партийного, административного, народного (рабоче-крестьянские инспекции – РКИ) контроля, комиссариата юстиции и т. д. Российская прокуратура была воссоздана как советская прокуратура по инициативе В.И. Ленина 28 мая 1922 года Постановлением ВЦИК как отдел Министерства юстиции³⁷ для обеспечения «вертикали» государственной власти посредством законности – точного и единообразного исполнения федеральных законов по всей республике. Заместитель министра юстиции был назначен Генеральным прокурором.

В советской юридической науке прокурорский надзор определяли как форму осуществления государственной власти и, отрицая теорию разделения властей и ее терминологию, выделяли четыре формы государственной деятельности³⁸. При наличии системы органов, осуществлявших контрольно-надзорную функцию (народного контроля, партийного контроля, а также горного, санитарного, пожарного надзора и т. д.), прокурорский надзор по отношению к ним был высшим. Конституции СССР 1936 г., 1973 г. и союзных республик называли прокурорский надзор высшим надзором и по причине надзора за судами, что подвергалось обоснованной критике с отнесением к высшему надзору только судебного, конституционного надзора и контроля³⁹. Современные российские ученые обосновывают наличие самостоятельной «прокурорской власти» в системе контрольно-надзорной власти⁴⁰. Некоторые ученые определяют прокурорский надзор как инструмент контроля и сдерживания в системе сдержек и противовесов трех фундаментальных ветвей власти⁴¹.

Прокуратура Самарской губернии была воссоздана 21 августа 1922 г. Постановлением ВЦИК РСФСР в составе прокурора, его заместителя, шести помощников и была размещена в здании окружного суда на площади

Революции г. Самары. Губернским прокурором в октябре 1922 г. стал 27-летний Виктор Зиновьевич Карпов, петербуржец, из рабочих, член РСДРП с 1914 года, работавший в Самаре председателем коллегии ревтрибунала. На работу в органы прокуратуры Самарской губернии были направлены по приказу Губернского Совета народных судей сотрудники губернского отдела юстиции⁴².

Прокурор Карпов В.З. писал о работе прокуроров того времени следующее: достигая единства законности, прокурорский надзор прорабатывал всю практику работы отдельных волостных исполкомов и сельских советов, выявлял и опротестовал все их постановления, противоречащие распоряжениям центра. Актуальной была борьба со злоупотреблениями властью должностных лиц, участвовавшими растратами и воровством в низовых кооперативах, с конокрадством, нарушениями в работе земельных комиссий, защита бедняков, вдов и малолетних детей от ущемлявших их в заработной плате богатеев и кулаков, участие в гражданских делах. Прокуроры использовали в осуществлении надзора сигналы рабочих и сельчан (рабкоров, селькоров) в печати, осуществляли выезды на места с докладами, проводили вечера вопросов и ответов⁴³ – правовую пропаганду и правовое воспитание, как мы сказали бы сегодня. Работавший с 1923 г. народным следователем Старобуянской, Елховской, Красноярской, Большекаменской и Троянской волостей Самарской губернии, а с 1933 по 1937 гг. помощником прокурора области Бредихин Н.В. (1892–1990 гг.), получивший в 1916 г. высшее юридическое образование на юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета, в своих мемуарных записках отмечал, что в 1923 г. – губерния не оправилась от голода 1921 г., в обширных лесах между Красным Яром и г. Самарой бродили банды дезертиров и всякой иной нечисти, нападавшие на крестьянские обозы, на сельских богатеев и нэпманов, грабившие и убивавшие их. Потребительская кооперация и кредитные товарищества засорились спекулянтами, мошенниками, жульем, работодатели не выплачивали зарплату своим работникам⁴⁴. Следователи и судьи в первые годы советской власти при своей юридической неграмотности и революционной законности руководствовались в принятии решений классовым чутьем, классовой справедливостью и, как свидетельствовал очевидец Бредихин Н.В., «порой творили бог знает что»⁴⁵.

В 1925 г. прокурор Карпов В.З. инициировал издание брошюры «Советская прокуратура и революционная законность на местах», разъяснив цель ее издания так: «Несмотря на то, что уже в течение почти трех лет Советская власть всеми средствами проводит в жизнь революционную законность, что для этого создан особый орган власти – прокуратура, многие еще не знают, в чем суть этой «революционной законности», и хотя теперь трудно, вероятно, найти гражданина, который не слышал бы слова «прокурор», но все же многие не знают достаточно ясно, что такое «советский прокурор», зачем он существует и что он должен делать. Без этого знания широкие массы населения не могут прийти на помощь Советской власти в ее задаче – соблюдении всеми самой строгой и полной революционной законности»⁴⁶. Далее автор разъяснил, что слово «прокурор» «долгие годы» царского строя

было ненавистно трудящимся тем, что прокуратура следила за исполнением законов, написанных для защиты интересов помещиков и капиталистов. Указав, что прокуратура необходима при любом строе, подчеркнул, что советская прокуратура охраняет законы, защищающие рабочих и крестьян, что советский прокурор – плоть от плоти и кость от кости рабочих и крестьян, что прокурор обвиняет действительно виновных и обязан оправдывать невиновных, что он не только прокурор губернского суда, но осуществляет надзор за исполнением, издаваемых центром законов всеми органами губернской власти, что прокурор независим от местной власти и подчиняется народному комиссару республики. Автор особо выделил задачи советского прокурора: 1) чтобы на местах точно и неуклонно всеми соблюдались установленные для данной местности законы; 2) чтобы законы не только не нарушались, но и не извращались; 3) чтобы законы толковались однообразно по всей республике, несмотря ни на какие различия; 4) чтобы на местах не издавались свои законы, противоречащие законам, издаваемым центром. Революционную законность прокурор понимал как уничтожение законов, охранявших царский строй, как установление новых законов, закрепляющих завоеванные революцией позиции и не связывающих революционный почин и волю масс в победе революции, подъеме разрушенного хозяйства, как постоянную изменяемость законов в построении коммунистического общества по праву революции. Революционную законность автор назвал и советской законностью.

В сентябре 1926 г. прокурора Карпова В.З. сменил 27-летний Жалнин Николай Петрович, работавший до этого председателем губернского суда. Он был из крестьян Пензенской губернии, членом РКП(б) с 1918 г. В должности прокурора Самарской губернии и прокурора Средневолжского края, в который входила Самарская губерния, Самара была его столицей, проработал с 1926 по 1931 и с 1933 по 1937 гг.⁴⁷ Знавший Н.П. Жалнина с 1926 г., в том числе по совместной работе в 1931–1933 гг. в Казахстане, в 1933–1937 гг. в качестве помощника прокурора Средневолжского края и Самарской области, Бредихин Н.В. в своих мемуарных заметках отмечал, что его друг Жалнин Н.П. был истинным самородком: окончив приходское училище и два класса начальной школы, он с 1914 г. последовательно занимал начальные должности в волостном управлении, члена волостного исполкома, помогал крестьянам поднимать разрушенные в гражданской войне хозяйства. Не имея ни достаточного общего, ни юридического образования, он упорно осваивал специальные науки и стал квалифицированным правоведом. На работе буквально горел, не считаясь со временем, не думая о личных интересах. Был исключительно добросовестным и бескорыстным. Любимым его выражением было: «Мы работаем не для себя, а для Революции»⁴⁸.

Прокуратура с 1927 г. не только осуществляла надзор за исполнением законов, единство законности социалистических преобразований, но и уголовное преследование, в том числе «вредителей» и «врагов народа», к которым относили противников власти. «Враги народа» определялись руководителями коммунистической партии и государства.

Накал классовой борьбы, политических разногласий и связанных с ними юридических оценок конкретных фактов как преступлений был таким, что при расхождении политических взглядов широко применялось уголовное преследование инакомыслящих – самое действенное средство борьбы с политическими противниками, которых объявляли «врагами революции», «врагами народа», «вредителями», шпионами, антисоветчиками. В расследовании допускалось применение физического воздействия для получения признательных показаний, грубо нарушалась уголовно-правовая квалификация фактических обстоятельств.

В совершенно секретной шифротелеграмме секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина от 20 января 1939 г. секретарям обкомов, крайкомов, начальникам УНКВД подтверждалась допустимость и необходимость применения мер физического воздействия к арестованным, разрешенного в 1937 г. ЦК ВКП(б) органами НКВД в порядке исключения в отношении явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, тормозят разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, следовательно, продолжают борьбу с советской властью. В шифротелеграмме Сталин особо подчеркнул, что этот метод загажен превращением его из исключения в правило и виновные наказаны, что этот метод применяют буржуазные разведки и он должен применяться социалистической разведкой впредь в виде исключения. И обязал при проверке УНКВД руководствоваться этим разъяснением⁴⁹.

Уголовным репрессиям подвергались и прокурорские работники за свою профессиональную деятельность: за то, что препятствовали грубым нарушениям уголовного и уголовно-процессуального законодательства в уголовном преследовании, за то, что в выполнении партийных директив о репрессировании «врагов народа», с одной стороны, не привлекали к уголовной ответственности отдельных хозяйственных руководителей, с другой – допускали массовые ошибки в привлечении к уголовной ответственности работников колхозов, в том числе и по причине юридической малограмотности прокурорских работников, судей, получивших в большинстве своем начальное юридическое образование на краткосрочных курсах, в правовых школах.

Необходимо отметить и то, что в применении закона в то время преобладало политическое, а не правовое сознание или знание закона. Например, в декабре 1937 г. надзорная инстанция Верховного Суда СССР по протесту прокурора СССР Я. Вышинского прекратила по вновь открывшимся обстоятельствам дело осужденного в марте 1936 г. к условному наказанию, а в декабре 1936 г. к лишению свободы начальника Утевского НКВД за превышение должностных полномочий – аресты и содержание под стражей лиц без санкции прокурора. Вновь открывшимся обстоятельством стало лишь то, что инициаторами возбуждения этого законно возбужденного дела и приговора были разоблаченные в 1937 г. как «враги» народа прокурор области Жалнин Н.П., его заместитель Ледвич П.Б. и другие⁵⁰. Важно отметить, что в те годы указание прокурорам о привлечении лиц к уголовной ответственности, согласие на арест членов ВКП (б) давали руководители партийных органов. В 1937 г. сначала решениями партийных собраний были исключе-

ны из членов ВКП(б) за связи с «врагами народа», а затем были арестованы с согласия секретарей Куйбышевского областного комитета ВКП(б) и незаконно осуждены к смертной казни первый прокурор Самарской губернии В.З. Карпов, сменивший его на посту прокурора области Н.П. Жалнин, прокурор Богатовского района Чудаев Афанасий Иванович, сотрудник прокуратуры области Бабицкий Михаил Потапович.

Уголовное дело против Жалнина Н.П. было начато по заявлению в партийные органы Чеботкова (член ВКП(б) с 1917 г., участник гражданской войны в 1919–1923 гг., работавший после окончания в 1925 г. годичных юридических курсов следователем НКВД, прокуратуры г. Самары), который, по словам Жалнина Н.П., был «следователь очень неважный, мало и плохо работающий», за что и был уволен из прокуратуры в апреле 1935 г. после критики министром юстиции Н.В. Крыленко во время его приезда в г. Куйбышев «безобразно расследованного» Чеботковым уголовного дела. Последовавшие после увольнения жалобы Чеботкова с обвинением Жалнина, Ледвича, Рудакова и других «в защите троцкистов и правых, орудовавших в аппарате областной прокуратуры и в области» в 1935-признавали необоснованными в 1935–1936 гг., а в 1937 г. возбудили уголовное дело по ранее отвергавшимся проверками доводам Чеботкова, в том числе о недооценке Рудаковым и Жалниным квалификации Чеботкова, его деловых качеств, работы, о необоснованном его увольнении из прокуратуры в порядке гонений «за разоблачение всех антисоветских проявлений Рудакова, Жалнина и других»⁵¹.

Жалнин Н.П. следствием и судом был причислен наряду с другими партийными и советскими руководителями области к антисоветской, шпионо-вредительской, террористической, правотроцкистской организации, имевшей целью свержение существующего строя в СССР. Организация якобы действовала в Казахстане (Жалнин Н.П. с 1931 по 1933 гг. работал комиссаром снабжения республики, спасая население от голода, охватившего страну) и в Куйбышевской области, сохраняла в рядах ВКП (б) троцкистов и препятствовала исполнению директив ВКП (б). Вредительством Жалнина Н.П. в обвинении было названо, во-первых, то, что он по заданию первого секретаря Самарского обкома ВКП (б) в 1933–1936 гг. «подрывал» карательную политику тем, что подчиненные ему прокуроры городов и районов предали суду, а те осудили большое количество колхозного крестьянства в 1933–1936 гг., в том числе и не всегда обоснованно в силу своей юридической малограмотности и приверженности «революционной законности» и партийным директивам; во-вторых, за то, что «мариновал» (сейчас сказали бы волокитил) расследование следователями прокуратуры области и г. Самары ряда уголовных дел и «смазывал» (прекратил, обоснованно не направил в суд из-за отсутствия доказательств. – *авт.*) дела на хозяйственных руководителей. В довесок к этому Жалнина голословно обвинили в получении задания совершить террористический акт над Генеральным прокурором СССР Я. Вышинским. Жалнин подписал явно заранее напечатанные на машинке протоколы своих самозабвенно самоизобличающих и признающих обвинение показаний об участии в контрреволюционной организации, отнесении

к ее членам, кажется, всех, с кем только Жалнин был знаком и работал в Казахстане, Куйбышевской области, в том числе Ледвича, Чудаева, Бабицкого, Бредихина и других работников прокуратуры. В деле сохранилась справка следствия с выводом о ложности всех признательных показаний Жалнина, исходящим из того, что заглавные буквы кратких предложений признательного по тексту заявления Жалнина следствию означали: «показание ложно»⁵². Очевидно, что признательные показания добывались применением мер физического воздействия. Позже Жалнин прямо заявлял на допросах, очных ставках с Ледвичем и другими о ложности своих признательных показаний и обвинения. В 1938 г. суд возвращал дело Жалнина для дополнительного расследования.

Подследственный Жалнин Н.П. писал заявления о своей невинности, о готовности работать на самых опасных участках, просил не репрессировать жену и двух несовершеннолетних сыновей, воспитанных исключительно в коммунистическом духе, мечтавших о защите советских рубежей, о службе в Красной Армии⁵³. Свидетелей в суде не допрашивали, вину в предъявленном обвинении в суде Жалнин Н.П. не признал, учли ранее данные признательные показания. Осужден 10 марта 1939 г. по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР 1927 г. и сразу же расстрелян. Семью репрессировали: жену осудили к восьми годам лагерей, двоих сыновей отдали в детский дом⁵⁴. Жалнин Н.П. был в 1955 г. реабилитирован Военной коллегией Верховного Суда СССР отменой приговора и прекращением уголовного дела за отсутствием состава преступления посмертно. Родственники в 1955 г. получили одновременно справку о реабилитации и о смерти Жалнина Н.П. 9 июня 1940 г. от склероза сердца. Младший сын Жалнина Виталий Николаевич, 1925 г. рождения, став военным летчиком, воевал с октября 1943 г. и погиб 22 февраля 1944 г. В 1945 г. было отказано в присвоении ему звания Героя Советского Союза, которое было присвоено Указом Президента России 15 июня 1996 г.⁵⁵

Также за участие в антисоветской шпионо-вредительской террористической правотроцкистской организации, а фактически, как и Жалнин Н.П., – за «перегибы» в уголовных репрессиях крестьянства в 1933–1936 гг. и обоснованное прекращение уголовных дел на хозяйственных руководителей, то есть за исполнение профессиональных обязанностей, были арестованы осенью 1937 г. и осуждены в ноябре 1940 г. к длительным срокам лишения свободы прокурор области Ледвич Павел Борисович, 1895 г. рождения, назначенный в эту должность после ареста Жалнина весной 1937 г. с должности заместителя прокурора Самарской области, прокурор города Самары Рудаков Петр Николаевич, 1898 г. рождения, председатель Куйбышевского областного суда Даниэлус Иван Иванович, 1892 г. рождения. Отметим, что ни Ледвич, ни Рудаков, ни Даниэлус не имели не только среднего образования, но и юридического, которое восполняли самообразованием, причем Ледвич и Даниэлус категорически возражали против назначения их руководителями, осуществленного без учета их мнения партийными органами⁵⁶.

«Избыточность» уголовной репрессии в Куйбышевской области в 1933–1936 гг. установила в 1937–1938 гг. комиссия Комиссариата юстиции и Верховного Суда СССР. Верховным Судом часть уголовных дел была пе-

рассмотрена, а Комиссариат юстиции и Прокуратура СССР дали в октябре 1937 г. указание всем областным и республиканским судам СССР пересмотреть в трехмесячный срок дела 1934–1936 гг. Председатель Куйбышевского областного суда Вайков 15 апреля 1937 г. отчитался о пересмотре 2109 дел 1934 г., 11962 – 1935 г., 6958 – 1936 г., из которых были изменены приговоры по 5947 делам 1934 г., 9234 – 1935 г., 4808 – 1936 г., в том числе соответственно в отношении колхозников – 1470, 2025, 1554, председателей сельсоветов и райполкомов – 145, 151, 121. Были сняты судимости с 4357 осужденных в 1935 г., 7774 – в 1936 г., 4054 – в 1937 г., а за отсутствием состава преступления были оправданы 1290 осужденных в 1935 г., 1110 – в 1936 г., 516 – в 1937 г.⁵⁷

От расстрела Ледвича спасло то, что он был прокурором области полгода и о явных «перегибах» в привлечении к уголовной ответственности и принимаемых им лично против этого мерах докладывал устно и письменно лично прокурору РСФСР Нюриной. Например, в мае 1937 г. после ареста Жалнина Н.П. Прокуратура РСФСР проверила организацию работы прокуратуры Куйбышевской области и на оперативном совещании при прокуроре республики констатировала отсутствие кадров в 14 районных прокуратурах, необходимость замены кадров в 10 районах и обучения 30 % прокурорских работников, неукомплектованность аппарата областной прокуратуры кадрами на одну треть, а также – провал по общему надзору, самотек в обследовании областной прокуратурой районных прокуратур и незнание в достаточной степени их работы, слабый надзор за соблюдением органами расследования Сталинской Конституции и другие. Совещание постановило: возбудить перед Куйбышевским обкомом ВКП (б) ходатайство об укреплении кадров прокуратуры Куйбышевской области, поручить прокурору Ледвичу выработать конкретные мероприятия по изживанию недочетов в работе, укрепить отдел общего надзора работниками⁵⁸. Причем ни одна комиссия, ни следователи, расследовавшие дела в отношении Жалнина, Ледвича, Рудакова, Даниэлюса, не обращали внимание на перегруженность работников прокуратуры и следователей, в производстве которых в месяц было до шестидесяти уголовных дел и проверочных материалов, как на одну из основных причин следственных и судебных ошибок в следственно-прокурорско-судебном конвейере репрессий 1933–1936 гг. под руководством партийных органов. Это подтверждают цитируемые тома уголовного дела Ледвича, Рудакова, Даниэлюса, на половину состоящие из протоколов оперативных и партийных собраний, справок о работе прокуроров, суда, конкретных решений следователей и прокуроров, явно осознававших свои недостатки, упущения, сложности в работе и принимавших посильные меры к их устранению.

Ледвич П.Б. после отбытия в ноябре 1946 г. на Колыме 9 лет лишения свободы, вместо 8 лет, назначенных судом, потеряв семью (жена, сын и дочь погибли в г. Харькове во время оккупации), работал начальником планового отдела завода «Стройдеталь» г. Коростень Житомирской области Украины, женился и после рождения сына в июне 1951 г. был арестован и осужден в ссылку на поселение в Красноярский край снова за то, что в 1936 г. яко-

бы состоял в антисоветской организации и проводил контрреволюционную деятельность, то есть повторно осужден за одно и то же, а доказательством «вины» были материалы архивного уголовного дела 1937 г. В 1956 г. Ледвич П.Б. был реабилитирован, оба дела были прекращены за отсутствием состава преступления. Из материалов уголовного дела 1951 г. узнаем, что следователи в 1937 г. его избивали (применяли меры физического воздействия) и заставляли подписывать заранее подготовленные ими тексты признательных показаний в протоколах допросов, очных ставок. По этой причине он «признал» на первом допросе предъявленное обвинение, подтвердил свои признательные показания на допросе и очной ставке в суде с Жалниным Н.П., уже отрицавшим предъявленное ему и Ледвичу обвинение. Затем Ледвич отказался от всех признательных показаний, писал неоднократно жалобы о своей невинности и об оговоре Жалнина Н.П., повторял это следователям на последовавших неоднократных допросах, приводил доводы, указывал на оправдывающие его доказательства. Но лишь признательные показания Ледвича использовали в обвинении Жалнина, Рудакова, Даниэлюса и еще 52 человек, которые также были незаконно осуждены и треть из них к высшей мере наказания – расстрелу⁵⁹. Впоследствии все они были реабилитированы, как и десятки тысяч жителей Самарской области.

В годы Великой Отечественной войны г. Самара становится запасной столицей и промышленным тылом: в Самару были эвакуированы промышленные предприятия из Москвы, Ленинграда, Воронежа и др. Прокурорский надзор в 1941–1945 гг. во исполнение законодательства военного времени решал задачи мобилизационного характера, актуальной была борьба с преступностью военнослужащих и лиц, работающих на железнодорожном, водном транспорте, борьба с дезертирством, хищениями социалистической собственности, соблюдением трудовой дисциплины⁶⁰. Работавший следователем, а с марта 1944 г. – заместителем прокурора г. Куйбышева Константин Николаевич Калачев в своих воспоминаниях о расследованных и направленных им в суд в годы войны уголовных делах выделил наиболее актуальные: взрывы двигателей боевых самолетов из-за неусиленной шпильки коленчатого вала и нарушения технологии сборки и установки подшипника распределительного вала; о преждевременном разрыве минометных боеприпасов вследствие отступления от технологических инструкций; о злоупотреблениях управляющего Куйбышевским зернотрестом, сорвавшим заготовку зерна 1941 г.; о злоупотреблениях и хищении строительных материалов, зарплаты рабочих руководителями строительно-монтажного треста; о хищении московскими метростроевцами поставляемых из г. Самары в г. Москву продуктов на 8 миллионов рублей; о реальном вредительстве – убийстве семьи специалиста авиационного завода его знакомым, предлагавшим потерпевшему до эвакуации в г. Самару из г. Риги перейти на службу к врагу; об избличении японского шпиона, работавшего при посольстве Японии в г. Самаре; об избичении секретаря английского посольства самарскими «горчишниками»; о мошенничестве польского авантюриста Малашевского в г. Самаре и др.⁶¹

Прокурором области с 1937 по 1941 г. был Николай Васильевич Болдырев, с ноября 1941 по 1946 г. – Яков Иванович Терниевский, с 1946 по 1952 гг. Кирилл Алексеевич Назарюк, с 1952 по 1953 г. – Ветров Иван Дмитриевич,

с 1953 по 1967 гг. – Федор Андреевич Полозков, с 1967 по 1969 гг. – Казначеев Виктор Иванович⁶².

В связи с развитием в Самаре оборонной промышленности 1 июня 1959 г. была создана Самарская прокуратура за исполнением законов на особо режимных объектах: заводе «Прогресс», ЦСКБ, НПО «Труд», машиностроительном и авиационном заводе, моторостроительном объединении им. М.В. Фрунзе и др. Первым ее прокурором был Фадеев Петр Павлович, который возглавлял ее 16 лет. Затем прокурорами работали Полубояров Николай Петрович, Ткаченко Виталий Владимирович, а с 1997 г. по настоящее время – Миронов Владимир Филиппович. В 2001 г. спецпрокуратура вошла в состав прокуратуры Самарской области. Осуществляя надзор, прокуратура содействовал качеству изготавливаемой космической продукции (ракет-носителей, спутников, ракетных и авиационных двигателей), обеспечивала защиту прав работников режимных объектов, охрану государственной тайны, интеллектуальной собственности, экологическую безопасность. Расследовала уголовные дела по фактам аварий ракет-носителей, самолетов, хищений. Миронов В.Ф. лично расследовал уголовные дела по фактом аварий и гибели во время запуска двух ракет «Союз» - одной с космодрома «Байконур», другой – «Плесецк» в связи с отключением на 20-й и 40-й секунде автоматики двигателей из-за разрушения замков обтекателей ракет, которым из-за дефицита металла снизили запас прочности, причем, как показало расследование, необоснованно⁶³.

С 1969 по 1981 гг. Прокуратуру Куйбышевской области возглавлял Николай Александрович Баженов, 1921 г. рождения, уроженец с Ковернино Горьковской области. По окончании школы он работал в колхозе, окончил военное училище, воевал и был демобилизован в 1943 г. после тяжелого ранения. Затем – юридическая школа в г. Горьком и работа в органах прокуратуры Горьковской области, Чувашии, Узбекистана. Он был прокурором Приморского Края, а до назначения прокурором Куйбышевской области – начальником управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Прокуратуры РСФСР. Внес значимый вклад в организацию надзора и воспитание работников Прокуратуры Самарской области. Под его началом построено нынешнее здание прокуратуры области на ул. Чапаевской, 151. Тогда оно было одним из лучших в России, в нем проводились совещания, семинары Прокуратурой Российской Федерации⁶⁴.

В 70-е годы наступила эпоха застоя, проявлявшаяся ростом приписок выпускаемой продукции, хищений госсобственности, дефицита продуктов, товаров, услуг. Прокуратура усиливала надзор за исполнением пятилетних планов развития народного хозяйства, принимаемых Верховным Советом СССР в качестве закона. Прокурор Баженов с присущей ему энергией и настойчивостью направлял общий надзор и следствие правоохранительных органов на борьбу с хищениями, приписками, выпуском некачественной продукции на фабриках, заводах, АвтоВАЗе, во всех отраслях народного хозяйства, особенно в сельском, известна борьба прокуроров за повышение надоев молока, сбор пшеницы, с простоями железнодорожных вагонов и т. д. На это нацеливал Генеральный прокурор СССР А.М. Рекунков, вникая лично в тонкости хо-

зайствованного механизма, требуя наведения порядка в сборе, хранении сельскохозяйственной продукции. Широко известны проводимые им совещания по борьбе с хищениями на ВАЗе, когда срыв поставок комплектующих деталей угрожал остановке главного автомобильного конвейера страны⁶⁵. После проверок были созданы прокуратура и районный отдел внутренних дел Автозаводского района г. Тольятти⁶⁶.

В 1981 г. Н.А. Баженов стал первым заместителем Генерального прокурора СССР и прокурором области был назначен Соболев Александр Васильевич, уроженец с. Суровка Ульяновской области, из крестьянской семьи. По окончании Ульяновского медицинского техникума, а в 1959 г. – Куйбышевского филиала Всесоюзного юридического института (ВЮЗИ) работал в прокуратуре Калининской области следователем, помощником прокурора, прокурором района. В 1990 г. его сменил Вячеслав Васильевич Казаков, уроженец с. Волжская коммуна Чкаловской (Оренбургской) области, который по окончании в 1966 г. ВЮЗИ работал в прокуратуре Куйбышевской области в должности следователя, прокурором Нефтегорского, Кинельского районов, Куйбышевским транспортным прокурором, прокурором г. Куйбышева (Самары), прокурором впервые созданной в СССР природоохранной прокуратуры – прокуратуры Каспийского водного бассейна⁶⁷. С 1996 по 2005 гг. прокуратуру Самарской области возглавлял Александр Федорович Ефремов, уроженец г. Барыш Ульяновской области. По окончании в 1981 г. юридического факультета Куйбышевского государственного университета работал в прокуратуре Куйбышевской (после переименования – Самарской) области следователем, помощником прокурора, заместителем и прокурором Кировского района⁶⁸.

С 2006 г. прокуратуру области возглавляет Юрий Дмитриевич Денисов, уроженец г. Белгорода, работавший по окончании в 1989 г. юридического факультета Дальневосточного госуниверситета следователем, заместителем и прокурором Сахалинской транспортной прокуратуры, заместителем и прокурором Сахалинской области. С его участием связано открытие 12 января 2010 г. в здании областной прокуратуры музея прокуратуры Самарской области, в экспозицию которого положено и представленное исследование, которым установлен день открытия Самарской губернской прокуратуры, а 13 января 2009 года впервые отмечалось 158-летие прокуратуры Самарской области. До этого днем ее образования считалось 21 августа 1922 года – день воссоздания Советской властью прокуратуры Самарской губернии.

Примечания

¹ Годы и события. Хроника: в 2 т. Администрация Самарской области, Управление по делам архивов. Самара, 2000. Т. 1, С. 16.

² Полное собрание Законов Российской Империи. Собрание второе, том XXV. С. – Петербург: Изд. Типография II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1851. С. 297, 307.

³ Там же. С. 307.

⁴ Под сенью Русского Орла. Генерал-прокуроры России. М.: СПИКА, 1996. С. 80.

⁵ Там же.

⁶ Годы и события. Хроника: в 2 т. Т.1. С. 16.

- ⁷ Государственный архив Самарской области (далее – ГАСО). Ф. 228. Оп. 1. Д. 5. С. 3,4.
- ⁸ Полное собрание Законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XXV. Отд. 2. С. 297.
- ⁹ Годы и события. Хроника: в 2 т. Т. 1. С. 18.
- ¹⁰ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1349. Оп. 3. Д. 575. Л. 103– 117.
- ¹¹ ГАСО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 7. С. 2.
- ¹² ГАСО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 5. С. 1,2, 5– 10.
- ¹³ ГАСО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 7. С. 1,2.
- ¹⁴ Бессарабов В.Г. Правозащитная деятельность Российской прокуратуры (1722– 2002): история, события, люди. М., 2003. С. 65– 68.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 221. С. 1– 47.
- ¹⁶ Бессарабов В.Г. Указ. соч. С. 69.
- ¹⁷ ГАСО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 223. С. 1– 14. Д. 228. С. 1– 55.
- ¹⁸ Законодательство Петра I. М.: Юридическая литература, 1997. С. 128.
- ¹⁹ Рябцев В. Адекватность представлений о российской прокуратуре за рубежом // Законность. 2007. № 4. С. 44– 46.
- ²⁰ Бессарабов В.Г. Указ. соч. С. 125– 135; Казарина А.Х. Прокурорский надзор. Экономика. Законность. Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2008. С. 22, 23.
- ²¹ Бессарабов В.Г. Указ. соч. С. 79.
- ²² Положение о Верховном Суде Союза ССР и Прокуратуре Верховного Суда ССР. // История советской прокуратуры в важнейших документах. М.: Гос. изд. юридич. литературы, 1952. С. 420– 422.
- ²³ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 8. С. 366.
- ²⁴ Бессарабов В.Г. Указ. соч. С. 56.
- ²⁵ Там же. С. 76.
- ²⁶ Встать! Суд идет (история самарской фемиды). Самара: ООО «Офорт», 2005. С. 73, 78, 79.
- ²⁷ ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1. С. 5.
- ²⁸ Встать! Суд идет (история самарской фемиды). С. 86,87.
- ²⁹ ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1. С. 1– 3.
- ³⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 529. Д. 464. Л. 6,7.
- ³¹ ГАСО. Ф. 741. Оп. 1. Д. 5. Ф. 744. Оп. 1. Д. 1, 2, 7, 13.
- ³² Бессарабов В.Г. Указ. соч. С. 81.
- ³³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1966. С. 518, 519
- ³⁴ Бессарабов В.Г. Указ. соч. С. 83, 84.
- ³⁵ Там же. С. 54– 56, 65– 67, 122– 129.
- ³⁶ Постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 20.06.1936 «Об образовании народного комиссариата юстиции Союза СССР» из системы народных комиссаров юстиции союзных и автономных республик выделены органы прокуратуры и следствия и подчинены непосредственно Прокурору Союза ССР. Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 05.11.1936 «О структуре Прокуратуры СССР» в состав Прокуратуры Союза вошли прокуратуры: Главная военная, железнодорожного транспорта, водного транспорта, отдел общего надзора, следственный отдел и другие. См.: История советской прокуратуры в важнейших документах. С. 532.
- ³⁷ Постановление 3-й сессии ВЦИК IX созыва // История советской прокуратуры в важнейших документах. С. 264– 268.
- ³⁸ Маршунов М.Н. Прокурорско-надзорное право. СПб., 1991. С. 38.
- ³⁹ Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора. М., 1975.
- ⁴⁰ Беляев В.П. Контроль и надзор в российском государстве. М.: ТК «Велби»; Изд-во «Проспект», 2005; Государственное право Российской Федерации: учебник/ под. ред. О.Е. Кутафина. М., 1996. С. 305; Мельников Н.В. Прокурорская власть // Государство и право. 2002. № 2. С. 16– 20.
- ⁴¹ Шалумов М.С. Прокурорский надзор и государственный контроль за исполнением законов: разграничение, комплектация, ответственность // Государство и право. 1999. № 1.

С. 84, 85.

⁴² Прокуратура Самарской области в документах, воспоминаниях, фотографиях, С. 31, 32.

⁴³ Карпов В., Григоров С. Советская прокуратура и революционная законность на местах. Самара: Изд. Самарской губернской прокуратуры, 1925. С. 26– 30.

⁴⁴ Чепрасов А. Правовед (по мемуарным запискам Н.В.Бредихина) // Охраняя закон. Сборник очерков о Самарской прокуратуре. Самара: Самарское книжное издательство, 1993. С. 12, 13, 22, 30– 32.

⁴⁵ Там же. С. 19, 20.

⁴⁶ Карпов В.З. Указ. соч. С. 3– 9, 11– 21.

⁴⁷ Прокуратура Самарской области в документах, воспоминаниях и фотографиях. С. 32.

⁴⁸ Чепрасов А. Указ. соч. С. 33, 34.

⁴⁹ Цит. по: Звягинцев А.Г. Орлов. Приговоренные временем. Российские и современные прокуроры. XX век. 1937– 1953 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. С. 455.

⁵⁰ Архив УФСБ РФ по Самарской области. Архивное уголовное дело 1937 г. № 7496. Т. 2.

⁵¹ Там же,

⁵² Там же.

⁵³ Архив УФСБ РФ по Самарской области. Архивное уголовное дело 1937 г. № 5193 по обвинению Ледвич П.Б., Рудакова П.Н., Даниэлюса И.И. и др. Т. 1, 2, 3.

⁵⁴ Кузнецов В., Мышко В. Хранить вечно // Охраняя закон: Сборник очерков о Самарской прокуратуре. С. 56– 63.

⁵⁵ Мясников В. Полет продолжается!.. //Белая книга. Т. 2. Самара 1997. С. 148– 151.

⁵⁶ Архив УФСБ РФ по Самарской области. Архивное уголовное дело 1937 № 5193. Т. 1,2.

⁵⁷ Архив УФСБ РФ по Самарской области. Архивное дело 1937 г. № 5193. Т. 3.

⁵⁸ Там же. Т. 3.

⁵⁹ Там же. Т. 4.

⁶⁰ Казарина А.Х. Указ. соч. С. 79– 81.

⁶¹ Чепрасов А. Момент истины ради (Воспоминания К. Н. Калачева) // Охраняя закон: Сборник очерков о Самарской прокуратуре. С. 38– 53.

⁶² Прокуратура Самарской области в документах, воспоминаниях и фотографиях. С. 76, 87, 99, 108, 109, 120.

⁶³ Из воспоминаний Владимира Филипповича Миронова – действующего прокурора Самарской прокуратуры за исполнением законов на особо режимных объектах.

⁶⁴ Прокуратура Самарской области в документах, воспоминаниях и фотографиях. С. 121– 126.

⁶⁵ Казарина А.Х. Указ.соч. С. 115, 116.

⁶⁶ Из воспоминаний ветерана прокуратуры, работавшего прокурором г. Тольятти в 1970– 1985 гг., Михаила Григорьевича Аленина.

⁶⁷ Прокуратура Самарской области в документах, воспоминаниях, фотографиях. С.146.

⁶⁸ Там же. С. 149.